

Л. П. Крысин

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

(Россия, Москва)

leonid-krysin@mail.ru

ЮРА

Я познакомился с Апресяном в 1960 году, когда он пришел на работу в Институт русского языка АН СССР. Мы оба были молоды (хотя Юра немного старше) и поэтому называли друг друга по именам, а не по именам-отчествам. И навсегда, даже сейчас, в нашей старости, он для меня Юра, а не Юрий Дереникович.

Юра — человек многогранный. И сколько бы ни говорить о разных гранях его характера и интеллекта, нет риска повториться или исчерпать примеры, иллюстрирующие ту или иную грань.

Я хочу сказать несколько слов о таких чертах Юры, которые на первый взгляд кажутся мало совместимыми в одном человеке. Это, с одной стороны, спокойное терпение, терпеливость и терпимость, а с другой — горячность, страстная неприимчивость, крайняя неуступчивость.

Юра необыкновенно терпелив и терпим в общении с друзьями. Вот пример этих его свойств.

Ровно полвека тому назад, в конце марта 1969 года, мы вчетвером — Юра, Марина, я и Юрий «походный» приятель Вилен Фельдман — отправились в Хибин в лыжный поход. Мне достались широкие лыжи, принадлежавшие Косте Бабицкому, окантованные металлической полосой и поэтому очень прочные, но довольно тяжелые. Когда мы выгрузились на станции Апатиты и стали на лыжи, я понял — к сожалению, поздно, — что ходьба на лыжах с тридцатикилограммовым рюкзаком за плечами — это совсем не тот вид лыжного хода, к которому мы, жители равнинного города Москвы, привыкли.

В первые минуты я просто не мог двинуть ногами и пойти вперед. Кое-как приоровившись к новому виду передвижения, я поплелся за своими товарищами и, несмотря на приличный мороз, взмок уже на первых ста метрах. Сразу понял, что буду обузой для остальных. Но ни от кого, и прежде всего от Юры, который, естественно, считался капитаном нашей группы, я не услышал ни звука упрека.

А ведь это были еще цветочки. Когда после ночевки мы подошли к перевалу (был ли это Чоргорр или Кукисвумчорр, я сейчас не помню), вверх, по длинному

пологому тягуну, я двигался сносно, а на спуске кувырчался так, что лыжи лете-ли в одну сторону, очки — в другую, рюкзак — в третью, а я зарывался глубоко в сугроб. И так несколько раз. Все это было бы смешно, но мы были далеко от жи-льи и от людей. И если бы я сломал лыжи или, еще хуже, руку или ногу, несладко пришлось бы не только мне, но и всем нам. Юра это понимал, но с потрясающим терпением опекал меня, помогая спуститься в долину.

В этом же походе я мог наблюдать и другое из упомянутых свойств Апреся-на — горячность в сочетании с бесстрашием и настойчивостью.

Поход наш заканчивался, и нам предстояло выбираться к Кировску, откуда мож-но ехать уже на поезде. Но до Кировска было километров двадцать пять заснежен-ной безлюдной хибинской тундры. От стоянки геологов, к которой мы подошли, несколько раз в неделю ходил вездеход. В его кузове нам разрешили устроиться.

Долгое ожидание отправки. Наконец почти на четвереньках приползают трое в дым пьяных водителей. Садятся в кабину, прихватив с собой большую бутылку спирта (который продолжают пить во время движения). Марину мы посадили с ними, потому что в кабине намного теплей, чем в кузове.

Примерно в середине пути мы с Юрой (а Вилен, закутавшись в спальный ме-шок, безмятежно проспал всю дорогу!) замечаем, что вездеход идет как-то стран-но: то двигается в одном направлении, то начинает идти обратно, то поворачивает под прямым углом и ползет на невысокие горы, которые окружают абсолютно без-жизненную, но какую-то совсем не страшную долину. Словом, как нам казалось, машина кружит на одном месте.

Стучим изо всех сил по крыше кабины, чтобы остановить вездеход. Наконец останавливают.

Юра спрыгивает вниз и начинает яростно ругаться с водителями, которые со-вершенно потеряли человеческий облик. К тому же во время движения они еще и подрались, так что один из них был в крови.

В отличие от бесстрашного Юры я вел себя совсем иначе: я испугался и в то же время понял, что криком от этих мужиков, которые привыкли и к ругани на-чальства, и к постоянному крутому мату, ничего не добьешься. Я стал их уговари-вать ехать именно в Кировск, взять нужное направление движения. Конечно, эти жалобные уговоры были столь же безрезультатны, сколь и Юрин крик. Но Юра по крайней мере действовал, а не только ругался с водителями: заставив их оста-новиться, он с компасом в руках отбежал на несколько метров вперед (чтобы ме-таллический корпус вездехода не влиял на стрелку компаса) и стал определять на-правление движения. К его и моему удивлению, оказалось, что смертельно пьяные водители ехали правильно...

Пример Юриной непримиримости — из более близкой всем нам «окололингви-стической» действительности.

В середине 1960-х годов одна из наших коллег защищала в Институте русско-го языка диссертацию. После защиты было застолье, звучал магнитофон, и вот этот магнитофон «Днепр», довольно тяжелый, надо было после банкета доставить в один дом, который хотя и был недалеко от Института, но все же не рядом. Один

из гостей, известный и успешный человек, был с машиной. Он предложил отвезти магнитофон на машине. Но Юра, который давно не любил этого человека (и было за что), не позволил ему это сделать. Он взял магнитофон (а «Днепр», если кто еще помнит, представлял собой весьма увесистый ящик), взвалил его себе на плечо и понес. Машина ехала рядом, человек за рулем уговаривал Юру прекратить эту бессмысленную, с его точки зрения, акцию. Но Юра был неумолим и непримирим. Так и донес магнитофон до нужного дома.

Я хочу закончить вот чем. Я благодарен судьбе за то, что она свела меня с этим замечательным человеком, которого я знаю вот уже в течение почти шестидесяти лет и которого почитаю как старшего брата и люблю как близкого друга.

L. P. Krysin

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

(Russia, Moscow)

leonid-krysin@mail.ru

YURA